

Пролог

У Наталии не было ни бумаги, ни ручки. И карандаша не было тоже. Вообще ничего. Только собственное хриплое дыхание, только астма. Только дыра в земле, где держали ее эти люди. Ее и еще двух девушек. Одна из них, Паола, рослая, с высокими скулами, все твердила, что ее отец придет и спасет их всех. Вторая, Селия, маленькая и кругленькая, говорила с акцентом. Она обняла Наталию и заверила, что все будет хорошо. А еще пообещала запомнить письмо, которое Наталия сочиняла здесь, в их странной тюрьме, где не было бумаги, ручек и карандашей. Между приступами задыхающегося кашля Наталия составляла послание родителям, снова и снова пересказывая его себе — и Паоле с Селией, которым волей-неволей приходилось слушать, — а потому запомнила целиком, до последнего словечка. Не то чтобы очередные версии ее послания совсем не отличались друг от друга, но разницей можно было пренебречь. Сидя во тьме на холодном влажном земляном полу глубокой ямы, провонявшей их выделениями (девушки отвели под них определенное место, но это не помешало зловонию распространиться повсюду), Наталия обнимала прижатые к груди колени. На ней по-прежнему был лишь скромный сплошной купальник мандаринового цве-

та и белая накидка. То есть когда-то белая. Теперь ее покрывали грязь, пыль, кровь, пот, слезы и прочие присущие животным субстанции. Наталия покачивалась туда-сюда. Откуда-то изда- лека, сверху, до нее донеслось ритмичное посту- кивание. Дятел долбит, сказала Селия. сосре- доточьтесь на этом звуке, на птице, подумайте, как она свободна. Мы тоже снова будем свобод- ны. Тук-тук-тук.

Они находились посреди леса, вдали от ци- вилизации. Вдали от помощи. Вдали от дома. Наталия все покачивалась и покачивалась, ста- раясь не закричать. Именно так всякие психи ведут себя в фильмах про сумасшедших, подумалось ей. Вот, значит, почему такое происходит: просто чувства, которые их захлестывают, на- столько сильны и ужасны, что приходится дви- гаться, лишь бы не дать им поглотить себя, не утонуть в них. Наталия цедила слова сквозь сжа- тые зубы, устремив взгляд в никуда, в земляные стены темницы. Тут нечего было видеть, кроме этой ямы, как будто всех трех девушек уже по- ложили в гробы и похоронили. Ей вспомнилось выражение «краше в гроб кладут». Вроде бы за- бавное, правда же? Шутка такая. Только вот ес- ли тебя действительно опустят в землю, стано- вится не до смеха. Ничего веселого в этом нет. Совсем-совсем ничего. Наталия не знала, смо- жет ли когда-нибудь смеяться снова. Две дру- гие девушки просто смотрели и слушали. Она умоляла соседок по заточению запомнить сло- ва письма и повторить их ее родителям, если са- мой Наталии не удастся этого сделать.

— Передайте, что я прошу прощения. И что я их люблю.

— Не говори так, — попросила Селия. — Сама все им скажешь.

— Да, — поддержала Паола. — Нельзя терять надежду. Я же говорю, мой отец уже близко.

— Дорогие мама и папа, — проговорила Наталия, не обращая внимания на них обеих. Она пыталась справляться с ситуацией, как могла. — Извините, что я вас разочаровала. Я не хотела.

— Только не начинай! — Паола со стоном стукнулась затылком о земляную стенку.

— Не надо! — С этими словами Селия сунула ладонь между головой подруги по несчастью и стеной.

— Дорогие мама и папа, извините, что я вас разочаровала. Я не хотела. Я купалась с Кристофером в том бассейне, который с горками. Знаю, вы и велели мне за ним приглядывать, но мне срочно понадобилось в туалет, а вы как раз опять спорили, были ужасно сердитые на вид и пили коктейли с зонтиками, поэтому мне не хотелось вас беспокоить. К тому же Крису ведь уже двенадцать, а не три года, он хорошо плавает, чуть ли не лучше меня, и вообще он был в мелкой части бассейна, а вокруг — целая куча спасателей. А мне просто по-маленькому надо было, и я подумала, что сразу вернусь. Ну и побежала в уборную: не в бассейн же писать, это никому не понравится. Такое только младенцам простительно, но я-то не младенец.

Я никого не видела. Ни в коридоре перед женским туалетом, ни внутри. А когда я вышла из

кабинки, тот человек уже стоял в холле перед автоматом с напитками. Такой вроде обычный с виду, хоть и урод. Он сказал, что автомат ему колу не выдает, она будто бы застряла, и попросил помочь. Окликнул меня, чтобы я мимо не прошла, назвал «мелкой» и спрашивает: «Эй, мелкая, ты по-английски говоришь?» Дурацкий вопрос, вообще-то. Я ответила, что, конечно, говорю, а он на это сердито так: «В наше время всякое бывает». А потом сказал, что наклонит автомат, и попросил, чтобы я стукнула по корпусу. Я еще подумала, что незнакомые мужики могут оказаться опасными, но ведь кругом были люди! В общем, я предложила: «Может, вам деньги нужны на газировку? Давайте я вам доллар дам, и вы еще себе купите». Достала из кармана накидки доллар и протянула ему. А доллар был из папиного выигрыша в казино, из той пачки, которую он поделил между мной и Крисом и велел не тратить всё сразу в одном месте. Этот мужик, он на крысу похож, ужасно разозлился, что я ему деньги попыталась сунуть. Типа его это оскорбило. Он осмотрелся по сторонам, никого не увидел и схватил меня за волосы. Я попыталась кричать, но мужик сказал, что у него пистолет и, если я издам хоть звук, он убьет меня, а потом и моего младшего брата Кристофера. Он знал имя Криса. Поэтому я решила, что он говорит серьезно.

Наталия прервала свою речь, потому что раскашлялась. Она больше не плакала. Наверное, она рассказывала свою историю уже в миллионный раз, и все время ломалась на этом месте.

А теперь на нее накатывало оцепенение. И физическое, и эмоциональное. Она словно онемела. Ничто не имело смысла. Тук-тук-тук.

— Папа будет меня искать, — сказала Паола. Наталия заметила, что та говорит как персонаж реалити-шоу, с интонациями избалованной богачки. — Он глава совета племени, очень влиятельный человек. Очень. У него своя полиция. Так что все будет хорошо.

Наталия вскинула руку кверху: она не собиралась быть невежливой, просто ей не удавалось сосредоточиться на своем письме. Думать становилось все сложнее. И ужасно хотелось пить.

— Дорогие мама и папа, — опять начала она.

— Ой, да прекрати ты! — возмутилась Паола.

— Хватит ее останавливать, — обратилась к девушке Селия. — Она просто напугана. — Селия дотронулась до руки Наталии и попросила: — Расскажи нам про них. Про маму с папой.

— Мама — директор школы. А папа — менеджер, машины продает. «Тойоты». Раньше учителем был, так они с мамой и познакомились. Но когда родился брат, денег стало не хватать, поэтому папа сменил работу.

— Уверена, они уже ищут тебя, — заявила Селия. — Все будет хорошо. Поняла? Точно тебе говорю.

— Если только ты не сведешь меня с ума, повторя одно и то же, — буркнула Паола. — Тогда в любом случае ничего хорошего не выйдет. Пока папа не появится. Но я знаю, он уже идет. Я чувствую.

— Да дай ты ей закончить письмо! — попросила Селия. — Тебе жалко, что ли?

— Да на здоровье! Только чего она все время с начала начинает? Так никогда до конца не доберешься.

Наталия не хотела, чтобы подруги по несчастью ее возненавидели. Они были нужны ей. Значит, нужно попытаться вспомнить, на чем она остановилась.

— Хорошо, — согласилась она, — я начну с того места, где прервалась. Ладно?

Теперь я думаю об этом, и мне ясно, что нужно было кричать, отбиваться и всякое такое, даже если бы он в меня выстрелил. На шум кто-нибудь прибежал бы, и, может, преступник не рискнул бы палить во все стороны. Хотя не знаю. Я сглупила и, когда он велел идти с ним, пошла, ведь если тебе в спину тычут стволом, почти всегда выполняешь требования. Надеюсь, где-нибудь там были видеокамеры. Надеюсь, вы меня ищете. Надеюсь, полиции все известно.

Он такой уродливый, мама. И папа. Не только с виду, хоть и похож на тощую крысу-утопленницу, но даже изнутри. От него плохо пахнет, как будто он никогда не чистит зубы, и в машине у него воняет, как от клеток в приюте для бездомных животных. Она была припаркована прямо за рестораном.

Он заставил меня пересечь с ним холл гостиницы, и люди смотрели на нас с подозрением, ведь нечасто встретишь похожего на крысу придура, который разгуливает с шестнадцатилетней девушкой в купальнике, правда? Но никто

ничего не сказал и не сделал. Теперь, когда я об этом думаю, я ужасно на себя зла. Можно же было просто закричать, что он уводит меня насильно, но этот его пистолет... мужик так и тыкал им мне в спину. Я боялась, как бы он не застрелил еще кого-нибудь. И была вообще не в себе. Совсем ничего не соображала. Не понимала, что происходит. Он сказал, что знает, где мы живем, и застрелит вас, если я попытаюсь сбежать. Теперь-то до меня дошло, что он просто наврал, ведь мы же на отдыхе! Да этому мужику и за миллион лет не узнать наш адрес, потому что мы только-только приехали в Вегас аж из Рино! Очень глупо вышло. Поэтому я прошу прощения. Я такая тупая! Вообще головой не подумала.

— Не говори так, — возразила Селия. — Ты поступила так же, как на твоём месте поступил бы любой. Как и я. И Паола.

Наталия покачивалась и кашляла. Наверху раздались мужские шаги: вокруг ямы явно собрались несколько человек. Одну из ветвей отодвинули в сторону, и Наталия услышала приглушенные голоса. Мужчины толковали о том, что кого-то из пленниц нужно вытащить, и решали, кого именно.

— Дорогие мама и папа, — снова начала Наталия.

— Ну вот, здравствуйте пожалуйста, — выпалила Паола.

— Хватит! — потребовала Селия.

— Мелкую! — завопил похожий на крысу тип, и остальные захохотали. — Она перхает, как ку-

рильщик лет семидесяти. Может, Трэвис хотя бы ее поймает. Она тормознутая.

Наталия все раскачивалась из стороны в сторону, пытаясь вспомнить, на чем она остановилась. На том, что похититель прижал ее всем телом к машине, как страстный влюбленный, и, заставив сложить руки перед собой, перехватил запястья пластмассовой стяжкой? Или на том, что он велел ей быть хорошей девочкой, сесть на пассажирское место и вести себя, «как будто мы лучшие друзья»? А может, на том, что он на ходу открыл дверцу и выпихнул ее, «охренеть какую везучую», чуть ли не под колеса автомобилей? Или она рассказывала, как на пустыре, когда этому типу осточертело слышать ее плач, он позволил ей сделать несколько глотков его нагретшейся газировки, а потом затолкал в багажник, к банкам с машинным маслом и запаске? Наталия чуть не задохнулась там и попыталась сосредоточиться, из последних сил припоминая движения, которые в прошлом году разучила ее чирлидерская команда, представляя, будто она вновь на футбольном матче и мама с папой широко улыбаются ей с трибуны, и лица у них раскрашены в синий, белый и золотой — цвета ее школы.

Все закрывающие яму ветки отодвинули, и Наталия с Селией зажмурились от яркого полуденного солнца. Вокруг не было ничего, кроме леса. Наталия даже не знала, в каком они штате, ей лишь было известно, что похожий на крысу тип вез ее сюда около трех дней.

— Дорогие папа и мама, — пробормотала она. До сих пор у нее только зубы стучали, а теперь все тело била дрожь.

— Эй ты! — ткнув в сторону Наталии пистолетом, бросил главарь. Он был высок, силен и подтянут; остальные звали его Генерал Зеб. Наталия подумала, что он похож на молодежного пастора из их церкви, одного из тех консервативных парней, которые стараются выглядеть крутыми. — Вылезай. — И сбросил в яму веревочную лестницу.

Наталия раскачивалась, обнимала себя руками и кашляла.

— Дорогие мама и папа, — снова пробормотала она.

— Гоните ее сюда, — рявкнул Генерал Зеб, — или я вас всех перестреляю, и мы начнем сначала.

— Давай, — Селия встряхнула Наталию, — ты должна подняться к ним.

Та очнулась и посмотрела на нее.

— Что им надо?

— Не знаю. Но там, наверху, у тебя будет больше возможностей убежать и спрятаться, чем тут. Если появится шанс, воспользуйся им. Сбеги, Наталия.

— Запомни мое письмо, — попросила девушка, и Селия сжала ей руку.

— Запомню. И передам твоим родителям слово в слово. Только это не понадобится. Ты убежишь. И вернешься домой.

— О'кей, — сказала Наталия, заставила свое замерзшее ноющее тело выпрямиться и двину-

лась к лестнице. Она ослабла от нехватки пищи и воды. Сердце стучало быстрее, чем клюв дятла, пока она карабкалась, ставя обе ноги на каждую ступеньку, и вот наконец голова поднялась над краем ямы. Когда девушку привезли сюда, стояла глухая ночь, и ей не удалось почти ничего увидеть, лишь костер да несколько палаток. Пахло пивом и жареным на открытом огне мясом. Трое мужчин избавили пленницу от пластиковой стяжки, окинули взглядами, дали пару глотков воды из фляги, а потом бросили в яму глубиной метров пять-шесть, в темноту.

Теперь Наталия увидела лагерь при свете дня. Он расположился среди высоких сосен; куда ни глянь, кругом стоял густой лес, который со всех сторон окружали горы. Все мужчины носили камуфляж, их лица были разрисованы черным и зеленым, и на каждом — оранжевый жилет. Охотничий, подумалось ей. Папа с удовольствием брал их с братом рыбачить на реку Траки. Наталия знала достаточно, чтобы понять: эти люди одеты для убийств. В лесу был припаркован грязный белый грузовик. И все это в глуши, у черта на куличках. А еще Наталия видела ружья, много ружей. К стволу одного дерева был пришпилен флаг Мексики, испещренный пулевыми отверстиями. Еще здесь был длинный пластмассовый складной стол, где лежали провода и какие-то детали для электрического прибора. Тут явно что-то мастерили. А потом у себя за спиной Наталья заметила маленького жалкого мертвого оленя. Его подвесили, привязав вниз головой за задние ноги к ветке, он чуть по-

качивался, и из раны на шее сочилась кровь, капая в белое пластиковое ведро. Тут-тук-тук. Вот, значит, где источник звука.

Девушка заплакала, вернее, заскулила, испуганно и тихо.

— Нравится? — спросил Генерал Зеб, когда они вместе с похожим на крысу негодяем приподняли пленницу и вытащили из ямы. Он показывал на оленя.

— Нет, — пробормотала она.

— Олени вкусные, — заметил похожий на крысу.

— Заткнись, — бросил третий, лысый.

— Я хочу домой, — всхлипнула Наталия.

— Ну, — осклабился Генерал Зеб, — пока ты сможешь бежать быстрее этого оленя, шанс туда попасть у тебя есть.

Глава 1

У отрубленных голов есть одно характерное свойство. Их запах никогда не бывает приятным, даже если они свежие (а конкретно эта голова такой не являлась), и уж тем более в такой теплый пятничный июньский денек, как сегодня. К тому же ничто вокруг не могло замаскировать эту вонь: ни терпкий ветерок, колышущий ветви бесчисленных оregonских сосен, ни влажный запах земли и летней грозы, которая уже ушла в сторону горы, ни, как выяснилось, даже знаменитый одеколон «Олд спайс», которым злоупотреблял егерь из Нью-Мексико, Элой Атенсио.

Этот благоухающий семидесятипятилетний усатый мачо, рост которого с учетом ботинок равнялся ста семидесяти сантиметрам, был когда-то силен и крепок, как участник родео. В те дни черно-серая форма обтягивала его тело, как кожа сардельки. Возможно, Элой предпочел бы сейчас сидеть дома перед тарелкой приготовленного его женой Мартой супа *посоле* с чили, а не вытаскивать подгнившую башку из кузова ржавого белого пикапа на старой лесовозной дороге заказника Сан-Исидро, но он не роптал. С силой, которой не ждешь от настолько молодого человека, егерь просто схватил голову за рог, качнул туда-сюда, будто тачку с кирпичами, и потащил к служебному фургону Департа-

мента охраны рыбных ресурсов и дикой природы¹ Нью-Мексико, черному четырехдверному «Шеви-сильверадо 2500». На передних дверцах красовалась эмблема департамента, серебряная звезда внутри круга. Суэта растревожила мух, они с жужжанием повывлетали из мертвых глазниц оленя, немного покружили и вернулись на прежнее место, чтобы продолжить трапезу.

Неподалеку стояли еще два человека. У первого, высокого лысого мужчины, шея была шире продолговатой головы, а вместе эти части его тела напоминали большую белую пулю, пробившую ворот рубашки и куртки. Одежда лысого состояла из чересчур щегольских и не сочетающихся между собой камуфляжных вещей. Примерно тридцати пяти лет и под два метра ростом, он вел себя нетерпеливо и шумно. Вторым человеком была Джоди Луна, егерь-стажер, которая следила за лысым, как мать-ворониха следит за появившимся у гнезда ястребом. Хоть Джоди и была на целую голову ниже, казалось, за ней не заржавеет вытащить из кобуры казенный «Глок-40», если верзила начнет наглеть. В свои сорок пять благодаря непреклонной силе воли и вопреки артриту колена Джоди состояла в основном из мышц и по-прежнему весила столько же, сколько двадцать лет назад: 56 килограммов. Ее длинные прямые волосы, темные, с несколькими серебристыми прядями, были собраны

¹ В США этот департамент относится к полиции, и егеря, соответственно, являются полицейскими. — *Здесь и далее примеч. пер.*

в густой хвост, пропущенный свозь зазор сзади форменной кепки. Полгода назад Джоди успешно прошла медосмотр, включающий проверку психики, и стала самым старшим стажером, когда-либо зачисленным в природоохранительное ведомство Нью-Мексико. Поразительная смена карьеры для бывшего профессора поэзии, но никто из по-настоящему знавших Джоди не удивился ее выбору.

Она яростно защищала своего коллегу Атенсио, и не только потому, что тот был ее наставником, вдобавок пожилым, а сегодня в последний раз заступил на службу перед выходом на пенсию. Просто он был еще и одним из тринадцати дядьев и теток Джоди, с которыми она выросла здесь, в округе Рио-Трухас, в центре северной части штата Нью-Мексико. Самый старший брат ее матери, Атенсио относился к числу наиболее свободомыслящих и начитанных представителей своего поколения семьи, что говорило о многом, поскольку остальные обычно довольствовались всего одной книгой, к которой обращались в основном по воскресеньям. Относительный прагматизм Атенсио казался тем более примечательным, что он почти не покидал родного округа, если не считать еженедельных поездок на юг, в большую публичную библиотеку Санта-Фе.

Дядя был наставником Джоди во время шести месяцев ее полевой подготовки и ни разу не спросил, почему она оставила вроде бы совершенно не связанную с дикой природой жизнь известной поэтессы и научного работника в Бо-

стоне, вернувшись в обширный, но малонаселенный округ. Ведь в восемнадцать лет, уезжая на Север, она клялась, что ноги ее больше тут не будет. Именно Атенсио учил племянницу, когда та была еще девчонкой, охотиться и рыбачить и знал, как хороша она во всем, что касается жизни под открытым небом. Знал, как страстно она защищает живую природу. Элоя беспокоило, как бы департамент не взял на его место какого-нибудь чужака, поэтому он на целых десять лет задержался с выходом на пенсию. И пусть Джоди не была идеальным кандидатом, она оставалась родней и местной жительницей, которой до всего тут есть дело. Именно ей предстояло с завтрашнего дня занять пост единственного егеря на огромной территории площадью почти тринадцать тысяч квадратных километров.

— Раньше здесь была свободная страна, — проворчал браконьер.

Джоди показала изящным подбородком в сторону наклейки с флагом Конфедерации, закрывающей чуть ли не половину заднего окна его пикапа, прищурила умные темно-карие глаза и парировала:

— Ваш флаг ясно указывает на иное.

Атенсио слегка крякнул, закидывая трофейную оленью голову в кузов служебного автомобиля; чтобы совершить это достижение, ему пришлось несколько раз крутануться, как олимпийцу при толкании ядра.

— Тик-так, тик-так, — буркнул Элой Джуди, барабанил по циферблату своих наручных

часов. — Dale un ticket al maldito gringo ese, ya, sobrina.

Что приблизительно переводилось как: «Давай, племяшка, выпиши уже штраф этому проклятому гринго».

Браконьер ухмыльнулся, услышав непонятные слова, и вздернул голову, будто в его адрес только что отпустили оскорбительную шуточку.

— Это Америка, — заявил он. — Говорите по-английски.

— Отрадно знать, что вам известно, где вы находитесь, — заметила Луна. — Потому что здесь, в Америке, независимо от языка, законом запрещено охотиться на оленей в июне.

— Я просто пытаюсь прокормить семью, — пробормотал здоровяк.

— Вы планировали скормить домочадцам голову, которой самое место над камином?

— А туша валяется выше на холме, выброшенная, — поддержал Атенсио. — Прибереги это вранье для своей мамочки, парень.

— Не смейте упоминать мою мать! — вспылil браконьер.

— Согласна, давайте сменим тему, — предложила Джоди. — Поговорим о том, что мне нужно взглянуть на ваши водительские права.

— Они в бардачке, — сообщил лысый.

— Тогда вам лучше достать их оттуда.

— Только медленно, и держи руки так, чтобы мы могли их видеть, — предупредил Атенсио, расстегивая кобуру и вынимая оттуда пистолет.

Джоди старалась не думать о статистике, по которой должность егеря (иначе — инспектора

Департамента охраны природы) считалась в органах правопорядка самой опасной, а всё потому, что егеря патрулируют в одиночку, если только не готовят себе смену. Они работают в глуши, в отдаленных местах, где часто не бывает радиосвязи и не ловят мобильные, и тогда для связи остаются только спутниковые телефоны, сплошь и рядом ненадежные. А подозреваемыми обычно оказываются вооруженные браконьеры, в которых ни на грош нет уважения к жизни и к закону. Их основной принцип: «Нет свидетеля — нет преступления», а от него рукой подать до желания заслужить уважение корешей, пристрелив егеря. Широкая публика даже не догадывалась, как часто происходят подобные вещи. По последним данным, егеря получали пулю или удар ножом в семь раз чаще, чем городские копы, хотя, конечно, статистику мало кто знал. Впрочем, мало кто вообще знал даже о существовании егерей. Обыватели часто путали их с лесничими. В наши дни из американцев старше шестнадцати лет лишь пять процентов бывали на охоте и пятнадцать — на рыбалке, причем большинство из них ограничивались всего одной попыткой.

Браконьер извлек из кармана синий нейлоновый бумажник. Джоди увидела на нем нарисованную вроде бы золотистой ручкой эмблему в виде пирамидки с глазом, похожую на ту, что изображена на долларе.

— Вот, пожалуйста. — И браконьер воззрился на нее, покачивая правами, которые зажал между большим и указательным пальцами. В гла-